

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

### ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ БРАТСТВА У Л. Н. ТОЛСТОГО: ОТ КРОВНОГО БРАТСТВА К ВСЕОБЩЕМУ \*

Г. В. АЛЕКСЕЕВА  
ФГБУК «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»  
galalexeeva@mail.ru

В статье рассматривается тема братства, повторяющаяся в художественных текстах Л. Н. Толстого – от трилогии «Детство. Отрочество. Юность» до поздних произведений писателя. У Толстого эта тема многоаспектная, всеобщая, универсальная, непосредственно связанная с легендой о «зёленой палочке», о «муравейном братстве», напрямую восходящая к этой легенде, так же, как эта легенда может быть в своей основе связана одновременно с идеей братства кровного (братья Муравьевы, братья Толстые) и братства духовного, идейного.

*Ключевые слова:* Л.Н. Толстой, концепт, всеобщее братство, подлинное братство, духовное братство, кровное братство, единение.

*Посвящается Михаилу Давидовичу Амирханяну*

Тема братства является одной из повторяющихся тем в художественных текстах Л. Н. Толстого, начиная с трилогии «Детство. Отрочество. Юность», кончая поздними произведениями писателя. Многоаспектная тема братства у Толстого, ее «узел» непосредственно связан с легендой о «зёленой палочке», о «муравейном братстве», то есть идея братства всеобщего, универсального у Толстого напрямую восходит к этой легенде, так же, как эта легенда может быть в своей основе связана одновременно с идеей братства кровного

---

\*Статья была опубликована в малотиражном издании: Сборник материалов IX Международной научной конференции 12-14 августа 2014 г. Ясная Поляна, 2016. С. 29-38.

(братья Муравьевы, братья Толстые) и братства духовного, идейного. Несомненно, Толстой знал и опирался на другие исторические и современные источники, связанные с понятием братства. Но в данной статье мы сосредоточимся на творчестве самого писателя, которое корнями уходит в детские легенды и предания и непосредственно связано с историей рода, с историей семьи. Здесь, в связи с легендой о зелёной палочке, о всемирном муравейном братстве, уместно привести предположения Б.М. Эйхенбаума о том, как посещение декабриста Павла Ивановича Колошина Ясной Поляны в 1832 или 1833 годах, его рассказы Н.И. Толстому о «Зеленой книге» и зеленых портфелях (зеленый цвет был цветом свободы у декабристов), о правде, зарытой в землю (имелась в виду рукопись «Русской правды», которая была зарыта в землю по просьбе Пестеля у деревни Кирнасовки), о братьях Муравьевых, о которых Колошин говорил с особым уважением, «должно было произвести на него огромное впечатление – не меньшее, чем то, какое произвел рассказ Пьера на Николеньку Болконского <...> Все было готово для создания легенды, оставалось дать ход воображению» [4: 738].

Вполне вероятно, что в творческом воображении одиннадцатилетнего Николеньки рассказ о реальных братьях, декабристах Муравьевых, вырастает в легенду о всеобщем «муравейном братстве» [См.: Прим.], ведь, как пишет Лидия Гинзбург, «в основе каждой фантазии лежат элементы реального опыта» [2: 10]. Эта вера в чудо, в достижение чудесного идеала, характерная для человека вообще, и особенно вера в услышанную в детстве сказку, легенду, у Толстого со временем обретает довольно устойчивую форму, то есть вера в чудесный идеал должна быть так или иначе формализована, что очевидно в трансформации именно идеи братства, причем Толстой, следует особо подчеркнуть, нигде не говорит о братстве как единении национальностей, но именно о всеобщем духовном над-национальном братстве, братстве скорее в евангельском прочтении.

Мы можем рассматривать *братство* как концепт. А как мы знаем, что не бывает концепта «с одной составляющей <...>. Всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т. д.»

[См.: 3] и является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни миф.

Обращаясь к понятию *братья по крови* в творчестве Толстого, мы отмечаем, что в трилогии действуют братья Иртеньевы, в «Севастопольских рассказах» братья Козельцовы, в «Анне Карениной» братья Левины и их сводный брат Кознышев, в «Войне и мире» мы встречаем братьев Ростовых. В произведениях последних трех десятилетий тема кровного братства постепенно уходит. В эти годы как в художественных текстах, так и в публицистических, набирает силу тема всеобщего, универсального братства.

Особенно ярко братство по крови проявляется в минуты опасности, в период войны, что с наивысшей достоверностью представлено в одном из «Севастопольских рассказов». Уверенного, успешного поручика Козельцова волнует судьба младшего брата, который сам «попросился на войну» в Севастополь (2, 141). Одной из причин – желание быть со старшим братом, в чем он застенчиво ему признается. Обращается он к Козельцову-старшему, Михайлу, именно «брат» (2, 141). Козельцов – 2-й, Владимир, восхищается своим старшим братом, невероятно радуется их встрече в Севастополе. Но в отличие от Николеньки Иртеньева Владимир Козельцов «немножко стыдился» своего брата, «смотрел свысока и даже надеялся, ежели можно, образовать его» (2, 142). В начале их встречи полной искренности в отношениях братьев не наблюдается: Володю охватывает страх при мысли о близости опасности в Севастополе, но он не признается в этом брату и находит причину, чтобы отложить поездку в Севастополь, а Михаил не искренен в сообщении об имеющихся у него деньгах. Тем не менее искренняя любовь братьев к друг другу совершенно очевидна. Внутренний монолог Козельцова-младшего раскрывает идеальную картину братства: «А как бы славно нам было вдвоем в Севастополе! Два брата, дружные между собой, оба сражаются с врагом: один старый уже, хотя не очень образованный, но храбрый воин, молодой... но тоже молодец... Через неделю я бы всем доказал, что я уж не очень молоденький! Я и краснеть перестану, в лице будет мужество, да и усы небольшие, но порядочные вырастут к тому времени <...> Может быть, мы нынче приедем и сейчас же

попадем в дело, вместе с братом. А он должен быть упорный и очень храбрый – такой, что много не говорит, а делает лучше других» (2, 144). Он в воображении рисует героическую картину боя с гибелью брата, а потом и с собственной героической гибелью. В своих мечтах он поднимается до вершин даже не столько кровного братства, сколько всеобщего, идеального: «Я скажу, что ничего не хочу, – только чтобы меня положили рядом с братом, что я хочу умереть с ним. <...> Я приподнимусь и скажу только: «Да, вы не умели ценить двух человек, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали... да прости вам Бог!» (2, 145).

Оба брата служат «из чести», а не ради выгоды, поэтому опасения погибнуть или остаться калекой на всю жизнь, как предостерегает комиссионер, существенно уступают идеалу служения отечеству, т. е. идеальному всеобщему братству.

Воображаемые романтические картины братства, героической смерти отступают, рассеиваются при первой встрече с реальностью войны – «кровью, страданиями, смертью». Наступает суровая полоса войны со всеми ее ужасами. Козельцов-младший тонко переживает внутреннее бытие своего старшего брата, но это бытие органично связано с его бытием, по Бахтину, «лежит в одной плоскости» [1: 112].

На войне в присутствии постоянной опасности, ежесекундной угрозы для жизни происходит расширение понятия кровного братства, так, возвращаясь в роту, Козельцов-старший, которого в роте все так любили, при встрече обращается к фельдфебелю, как: «Здравствуй, брат!» Возникает несомненное единение с «солдатами», чему способствует дух войска, о котором Толстой так много будет писать в «Войне и мире». Козельцов-старший и смертельное ранение получает на глазах своих солдат, воодушевленно бежавших за ним в атаку, но последняя предсмертная мысль его была о брате: «Дай Бог ему такого же счастья» (2, 177). Проявив подлинную храбрость, героизм, братья остаются едины даже в смерти, хотя оба погибают достаточно прозаично, совсем не в соответствии с высоким пафосом мечтаний Володи, тем страшнее, на первый взгляд бессмысленнее и

одновременно значительнее и трагичнее их смерть. Почти так же, слившись в радостном братском единении со своими однополчанами, которые становятся ему семьей, братьями, погибает юный Петя Ростов в «Войне и мире». В обоих случаях следует говорить не о категории правдоподобия в отличие от идеальной мечты Володи Козельцова, а о суровой жестокой правде жизни, которой привержен Толстой.

У Константина Левина с братом Сергеем Ивановичем вполне деловые, без особых сантиментов отношения. Сергей Иванович руководит им накануне свадьбы, занимает для него денег, но отношения лишены братской близости. «Для Сергея Левина меньшей брат его был славный малый с сердцем, поставленным хорошо (как он говорил по-французски), но с умом не глубоким и не анализирующим» (20, 247). Он смотрит на Константина с «ласково-холодную улыбкой» (18, 27), этот оксюморон очень точно характеризует Кознышева. Для Константина Левина брат Сергей это человек «огромного ума, самого умного в России и одаренного лучшим даром <...> даром самоотвержения и любви к отвлеченной истине и добру и способности деятельности для общего блага» (20, 247). Более глубокое чувство, «какое-то тайное для него родство чувств» (20, 167) Левин испытывает к своему любимому брату Николаю. Узнав, что он при смерти, он немедленно к нему отправляется. Казалось, он умирал вместе с братом Николаем, переживая «то чувство ужаса пред неразгаданностью и вместе близостью и неизбежностью смерти» (19, 74). Он пытается у одра умирающего восстановить братские отношения всех трех братьев, читает письмо Сергея Ивановича со словами прощения, который не смог или не захотел приехать. С самого начала у братьев не было любовных отношений: Николай не любил Сергея, а Константин «не только любил, но уважал своего брата Николая и считал его одним из умнейших и добрейших людей, которых он знал» (20, 168). Для него брат Николай «одной с ним породы, одного характера, ума» (20, 169).

В творчестве Толстого 80-90-х годов тема кровного братства не развивается на художественном уровне произведений 50-60-х годов.

Есть братья у Ивана Ильича, но в художественном пространстве повести эти отношения констатируются, но не развиваются. Мы не знаем, были ли братья у Позднышева. У кн. Касатского, как и у князя Нехлюдова в «Воскресении», нет братьев, есть сестра, которой Касатский отдает половину состояния. Но князь Касатский, который в повести становится отцом Сергием, находится уже на пути к иному братству, четко обозначенному Толстым в тексте произведения.

Толстой не отрицает братство крови, но противопоставляет ему подлинное в его понимании духовное братство. С годами тема духовного братства все больше волнует писателя, он ищет тому примеры во всех литературах и философиях мира, так он находит пронзительные слова о духовном братстве у своего любимого Чаннинга и включает отрывок в «Круг чтения»: «Понимаем ли мы наше духовное братство? Понимаем ли мы, что одно и то же божественное начало в душах всех людей, так же, как и в нашей душе? Нет, мы еще не понимаем этого. А между тем, это только одно может дать нам истинную свободу и благо. Не может быть и не будет свободы и блага до тех пор, пока не поймут люди своего единства. А между тем признай только люди эту основную истину христианства – единство в людях духовного начала – и изменилась бы вся жизнь людей и установились бы между людьми такие отношения, которые мы не можем представить себе теперь. Тогда те оскорбления, огорчения, угнетения, которые мы теперь делаем людям-братьям, не замечая их, возмущали бы нас больше, чем теперешние величайшие преступления. Да, нам нужно новое откровение, не о рае и аде, а о том духе, который живет в нас» (45, 56-57).

Именно в Америке Толстой находит образцы всеобщего братства, о чем пишет своей единомышленнице М. А. Шмидт 9 августа 1890 г.: «В Америке происходит, на мой взгляд, огромное движение христианское, практическое, которое короче всего определить – стремлением ко всеобщему братству» (65, 144). Несомненно, он ищет и находит примеры истинного братства в христианском учении: «Христианское учение устанавливает равенство и братство всех людей» (65, 191). По Толстому, «братство всех людей» есть «главный закон Бога» (74, 134). Толстой признает учение Христа, как

он пишет В. Г. Черткову, «в смысле единения и братства людей» (88, 55).

Толстой понимает, как важна вера в братство людей, как важно эту веру поддерживать. Размышляя о необходимости помощи голодающим, тем, кто в нужде, он пишет редактору «Русских ведомостей» 4 февраля 1898 года: «вовремя оказанная помощь может спасти жизнь старика, ребенка, может заменить отчаяние, враждебность заброшенного человека чувством веры в добро и братство людей» (71, 271). Братству Толстой противопоставляет отчаяние и враждебность.

Толстой обращается к своему севастопольскому опыту, переосмысливает его по-новому и пишет о том, что не вошло в «Севастопольские рассказы», то есть спустя десятилетия он продолжает тему братства, но братства иного, высшего порядка: «Не раз видел я под Севастополем, когда во время перемирия сходились солдаты русские и французские, как они, не понимая слов друг друга, все-таки дружески, братски улыбались, делая знаки, похлопывая друг друга по плечу или брюху. Насколько люди эти были выше тех людей, которые устраивали войны и во время войны прекращали перемирие и, внушая добрым людям, что они не братья, а враждебные члены разных народов, опять заставляли их убивать друг друга» (45, 193). Задача Толстого – внушить всем людям, используя данный ему свыше талант, что они – братья.

Безусловным примером духовного братства для Толстого явилось пацифистское движение духоборов на Кавказе, их Толстой называет «христианами всемирного братства» (71, 322), «братьями нашими» (в письме к государю-императору Николаю II – 71, 345). Он уверен, что на смену сепаратизму, узкому национализму должно прийти всеобщее братство. Примеры подлинного, истинного братства он находит по всему миру, даже в далекой Австралии.

По Толстому, общение с людьми всего мира, братство является составляющей его формулы счастья. Он нравоучительно пишет сыну Михаилу Львовичу: «Человеку дано счастье общения с людьми, дружбы, братства, и он вместо того, чтобы пользоваться им, выделяет себя из всех своей гордостью и ограничивает свое

сближение с людьми маленьким кружком большей частью худших, таких же, как он, людей» (68, 227). В этом письме Толстой выделяет то, что мешает братскому единению – гордость и ограничение в общении с широким кругом людей – и указывает путь к этому общению – нравственное самосовершенствование.

Братство Толстой непосредственно увязывает с заповедью любви, которая дана человеку при рождении. Условием духовного братства является любовь. Кровное братство может существовать де-факто без любви, как в случае с Константином Левиным и его братом Сергеем Ивановичем; всеобщее духовное братство без любви невысказано.

Эта идея духовного братства, которое выше кровного, особенно ярко звучит в «Народных рассказах», когда Толстой предпосылает к рассказу «Чем люди живы» цитаты о братстве из Нового Завета: «не любящий брата пребывает в смерти» (1 посл. Иоанн. III, 14)» или: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?» (IV, 20) – 25-7). В рассказе «Два брата и золото» Толстой показывает путь восхождения старшего брата через соблазн и искушения, которого избежал младший брат, от братства кровного к братству духовному, когда «только трудом можно служить Богу и людям» (25, 30). Призыв к духовному братству звучит и в «Страданиях Господа нашего Иисуса Христа», и в «Сказке об Иване-дураке и его двух братьях».

Насколько понятие «кровное братство» связано с семейными обстоятельствами, настолько же мифологема всеобщего братства основана на христианских ценностях. В «Народных рассказах» мы почти ничего не знаем о семейных коллизиях братьев, как это было, к примеру, в трилогии или в «Анне Карениной», хотя в некоторых из них действуют действительные братья, но мы в подробностях видим развернутую картину преодоления всякого рода искушений на пути к идеальному, духовному братству. Известно, что источником некоторых рассказов являлась житийная литература, как в случае с рассказом «Два брата и золото», основанном на сказании из Пролога «Повесть святого Феодора, епископа Едесского, о столпнице дивнем

иже во Едессе». В Синаксарии сказание ведет младший брат в отличие от рассказа Толстого, который, не уразумев поступка старшего брата, все-таки взял золото для блага людей, не избежав «помысла високоумия», пока перед ним не появился ангел «ярим воззрев оком».

Для Толстого идея всеобщего братства на земле весьма побудительна и, несмотря на свою утопичность, носит императивный характер.

Постепенное разочарование в институте семьи, ослабление уз кровного братства (в 1904 году умирает последний брат Льва Николаевича, Сергей Николаевич), приводит его к еще большей вере в идеальное всеобщее братство, что прослеживается и на уровне художественных текстов, и на уровне публицистики, и на уровне жизненных практик. Но даже абстрактная вера во всеобщее братство должна быть аргументирована, формализована, поэтому Толстой вновь и вновь прибегает к притче, легенде, к предпосланным пространством евангельским эпитафиям.

Художественно Толстой конструирует идею всеобщего братства еще в эпилоге «Войны и мира»: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто» (7, 307). Но черты истинного духовного братства эта идея приобретает уже в поздних художественных и публицистических текстах писателя. Примером истинного братства для Толстого являются три старца в одноименном рассказе в их любовном, истинно братском соделании, во всей их святости, чистоте и наивности. Старцы живут в радостном братском общении, а оно, по Бахтину, «чуждо активному отношению к бытию; я должен стать наивным, чтобы радоваться» [1: 127]<sup>1</sup>.

В повести «Ходите в свете, пока есть свет» Толстой пишет, как «мирская» жизнь может измениться на началах евангельского учения, и герой повести Памфилий убежден, что природа человека в том, «чтобы жить в любви и согласии со всеми, чувствовать себя членом одного всемирного братства» (26, 273). В своей страстной речи он убежденно говорит, что «братство достигается только тогда,

когда каждый из нас будет братом, – что нельзя устроить братство без братьев» (26, 292). Толстой находит примеры такого братства в средневековом учении Хельчицкого, который писал о раннем христианстве, основанном на равенстве, свободе и братстве, в масонстве, в доктрине Моравских братьев и пр. Но не с любым представлением о духовном всеобщем братстве согласен Толстой. Он подвергает критике в трактате «Царство Божие внутри вас» братство, которое проповедают позитивисты и коммунисты, так называемое «коммунистическое, социалистическое братство», он уверен, что оно неосуществимо, так как «любовь, основанная на личном и общественном непонимании, дальше любви к государству идти не может» (28, 84), то есть, «они предлагают любовь к одному человечеству без любви к Богу» (28, 84).

Толстой говорит о «расширении области любви» на пути ко всеобщему братству и подчеркивает «основное различие христианского учения от учения позитивистов и всех теоретиков нехристианского всемирного братства» (28, 85). Об истинном братстве Толстой пишет в статье «Наше непонимание», а в статье «Закон насилия и закон любви» он предостерегает от того, чтобы понимать «ненависть задавленных рабочих к богатым и властвующим» (37, 154), как любовь к братству, свободе и равенству. Для него братство, как и любовь, – это главный закон жизни христиан. В сборник «На каждый день» Толстой включает слова Марка Аврелия: «В сознании, что ты член великого духовного братства, есть что-то ободряющее и утешительное» (43, 86).

В эти годы для Толстого важно сознавать уже не столько кровное братство, сколько братство «с людьми <...> всех народов» (43, 141). Но кровного братства никто не отменяет. Толстого восхищает высказывание итальянца Мадзини: «Вы не можете основать Христова братства там, где, с одной стороны, невежество, нищета, рабство и развращенность, а с другой стороны – культура, богатство и власть мешают взаимно уважать и любить друг друга» (43, 322). Толстой пытается найти этот срединный путь к истинно духовному братству. И, когда в ночь на 28 октября он покидает Ясную Поляну и прибывает к своей сестре монахине Марии в Шамордино, он выбирает этот

срединный путь: направляется к своей единственной оставшейся в живых сестре из того кровного братства Толстых, соучастников легенды о зеленой палочке, чтобы провести «остаток дней в тиши и уединении»... Казалось, круг готов замкнуться. Но, к сожалению, Толстой остается заложником мифа о всеобщем братстве, который побеждает представление о братстве кровном, и по приезде Александры Львовны с призывом продолжить путь, он устремляется в неизвестность.

### *Примечания*

<sup>1</sup> Как отмечает в своих воспоминаниях американский дипломат и переводчик Юджин Скайлер, храм, освещенный во имя Св. Николая, расположенный в Кочаках, в котором крестили Л. Н. Толстого и рядом с алтарем которого находится семейное кладбище Волконских-Толстых, называли в народе церковь Св. Николая-Муравейника, потому что, по преданию, чудотворная икона Св. Николая была найдена в муравейнике по соседству с храмом (см. Скайлер Юджин. Граф Лев Николаевич Толстой // Русская старина. Спб., 1890, т. 68, окт-ноябрь-дек. С. 264. Несомненно, Николенка, который со своими братьями и сестрой регулярно бывали в этом приходском храме, знал о чудотворной иконе, обретенной в муравейнике. Все шло в копилку детского воображения и творчества.

### ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986.
2. *Гинзбург Лидия.* О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия» / Пер. С франц. И посл. С. Н. Зенкина. М.; СПб., 1998.
4. *Эйхенбаум Б. М.* Работы о Льве Толстом. СПб.: С.-Петербургский у-т, 2009.

## REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M. : Iskusstvo, 1986.
2. Ginzburg Lidiya. O literaturnom geroye. L.: Sovetskiy pisatel', 1979.
3. Delez ZH., Gvattari F. Chto takoye filosofiya» / Per. S frants. I posl. S. N. Zenkina. M.; SPb., 1998.
4. Eykhenbaum B. M. Raboty o L've Tolstom. SPB.: S.-Peterburgskiy u-t, 2009

**Լ. Ն. ՏՈԼՍՏՈՅԻ ԵՂԲԱՅՐՈՒԹՅԱՆ ԳԱՂԱՓԱՐԻ  
ԷՎՈԼՅՈՒՑՈՒՑԻՎՆ. ԱՐՅՈՒՆԱՅԻՆ ԵՂԲԱՅՐՈՒԹՅՈՒՆԻՑ  
ԴԵՊԻ ՀԱՄԱՅՆՔԱՅԻՆ**

**Գ. Վ. ԱԼԵԿՍԵԵՎԱ**

**Լև Տոլստոյի ազգային թանգարան-կալվածք «Յասնայա  
Պոլյանա»**

Հոդվածում քննվում է եղբայրության թեման, որը կրկնվում է Լ. Ն. Տոլստոյի գեղարվեստական գրականության մեջ՝ «Մանկություն: Պատանեկություն: Երիտասարդություն»-ից մինչև գրողի ուշ շրջանի ստեղծագործությունները: Տոլստոյի մոտ այս թեման բազմակողմանի է, ընդհանուր, համընդհանուր, անմիջականորեն կապված է «կանաչ փայտիկի», «մրջունային եղբայրության» լեգենդի հետ և կարող է հիմնարար կերպով կապված լինել միաժամանակ արյունային եղբայրության (Մուրավյով եղբայրներ, Տոլստոյ եղբայրներ) և հոգևոր, գաղափարական եղբայրության գաղափարի հետ:

*Բանալի բառեր՝ Լ. Ն. Տոլստոյ, հասկացություն, համընդհանուր եղբայրություն, իրական եղբայրություն, հոգևոր եղբայրություն, արյան եղբայրություն, միասնություն:*

**EVOLUTION OF THE IDEA OF BROTHERHOOD IN L. N.  
TOLSTOY:  
FROM BLOOD BROTHERHOOD TO UNIVERSAL**

G. V. ALEXEEVA

**The Leo Tolstoy National Museum-Estate at Yasnaya Polyana**

The article examines the theme of brotherhood, repeated in the fiction of L. N. Tolstoy – from the trilogy "Childhood. Adolescence. Youth" to the late works of the writer. In Tolstoy, this theme is multifaceted, general, universal, directly related to the legend of the "green stick", of the "ant brotherhood", directly ascending to this legend, just as this legend can be fundamentally connected simultaneously with the idea of blood brotherhood (Muravyov brothers, Tolstoy brothers) and spiritual, ideological brotherhood.

**Key words:** *L. N. Tolstoy, concept, universal brotherhood, true brotherhood, spiritual brotherhood, blood brotherhood, unity.*

**Информация о статье:** статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

---